

Гжегож МОТЫКА

НЕУДАЧНАЯ КНИГА

Володимир В'ятрович. Друга польсько-українська війна 1942–1947.

**Київ: Видавничий дім “Києво-Могилянська академія”, 2011.
228 с. ІМЕННИЙ ТА ГЕОГРАФІЧНИЙ ПОКАЖЧИК. ISBN: 978-966-518-567-3***

После начала немецко-советской войны польское правительство в изгнании возобновило дипломатические отношения с СССР, разорванные в сентябре 1939 года. С тех пор польские дипломаты много раз напоминали об освобождении из плена 20 тысяч офицеров, которых, как выяснилось позже, сотрудники НКВД расстреляли в Катыни. Во время одной из таких встреч с советским руководством в ответ на вопрос о судьбе польских узников Сталин спокойно ответил: “Возможно, они бежали в Манжурию”.

Этот анекдот вспомнился мне во время ознакомления с недавно изданной книгой Владимира Вятровича. Автор принадлежит к молодому поколению украинских историков. Он дебютировал в 2000 году исследованием о диверсионной деятельности УПА в Чехословакии, напи-

* Данная рецензия была опубликована на польском (Grzegorz Motyka. Nieudana książka // Nowa Europa Wschodnia. 2012. No. 2. S. 100-110) и украинском (Гжегож Мотика. Невдала книжка // <http://www.historians.in.ua/index.php/dyskusiya/192-gzhegozh-motyka-nevdala-knyzhka>) языках. Русский перевод осуществлен с разрешения автора и издателей и при посредничестве переводчика, котрому редакція АІ выражает глубокую признательность. Перевод с польского М. Брусного.

санным на основе кандидатской диссертации.¹ Манера представления Вятровичем этого малоизвестного фрагмента в истории УПА получила признание историков. Возможно, именно поэтому он впоследствии стал первым директором Центра исследований освободительного движения во Львове, объединившего молодых ученых, занимающихся проблематикой украинского движения сопротивления. Многочисленные публикации Центра, без сомнения, расширили наше знание истории ОУН и УПА, хотя в них можно проследить и тревожную тенденцию избегать невыгодных тем из истории этих организаций, а также склонность к апологетическому трактованию их прошлого. Широкой публике фамилия Вятровича стала известна после его назначения директором Государственного архива службы безопасности Украины. Значимость выполняемых им обязанностей (в ГА СБУ хранятся материалы не менее ценные, чем в польском Институте национальной памяти), а также личное доверие президента Виктора Ющенко способствовали тому, что Вятрович стал одной из важнейших фигур в контексте формирования украинской национальной памяти. И хотя после победы на президентских выборах Виктора Януковича Вятровичу пришлось распрощаться с должностью директора, его тексты привлекают больше внимания, чем публикации “простых” историков (между прочим, стоит упомянуть и о том, что, по крайней мере, часть работы над последней книгой автор осуществил, будучи на стажировке в Украинском научном институте Гарвардского университета).

Именно учитывая изложенное выше, новейшее исследование Вятровича вызвало у меня глубокое разочарование. Рецензируемая книга фактически является не научной работой, а произвольным историческим очерком. В предисловии к ней следовало бы откровенно сказать, что по жанру это нечто вроде выступления на судебном процессе талантливом, однако эмоционально ангажированном в деле адвоката. Автор даже не пытается скрыть, что намерен защитить бандеровскую фракцию ОУН и УПА от несправедливых, по его мнению, обвинений в уничтожении польского мирного населения. Это задание он выполняет настолько самоотверженно, что после прочтения книги складывается впечатление, что автора не слишком интересовало, что на самом деле произошло между украинцами и поляками во время Второй мировой войны. Этим я объясняю то принципиальное обстоятельство, что рецензируемая книга написана под заведомо сформулированный тезис,

¹ В. В'ятрович. Рейди УПА теренами Чехословаччини. Торонто-Львів, 2001.

а те аргументы и факты, которые ему не соответствуют, просто отбрасываются. Правда, автор охотно цитирует польские документы и исследования (в том числе и автора этих строк), но почти исключительно те фрагменты, которые подтверждают его тезис. В краткой рецензии невозможно рассмотреть все слабые стороны книги Вятровича, поэтому я вынужден ограничиться несколькими наиболее важными вопросами.

Одна из важнейших задач книги – попытаться доказать, что не существовало специального приказа ОУН-Б об уничтожении польского населения. При этом Вятрович признает, что в конце 1942 года руководство бандеровской организации приняло решение начать “национальную революцию”, которая должна была сопровождаться изгнанием поляков и евреев под угрозой смерти и казнями польского “актива”. Однако он не видит никакой связи между этим планом и массовыми убийствами поляков, начавшимися в феврале 1943 года. Вместо этого он утверждает, что данные убийства были спонтанной реакцией вольнских украинцев, или допускает причастность к ним так называемой “первой УПА” Тараса Бульбы-Боровца, но принципиально отрицает ответственность ОУН-Б, которая будто бы присоединилась к антипольской акции лишь летом 1943 года и была вынуждена так поступить из-за слишком динамичного развития ситуации.

При этом автор пытается, например, подвергнуть сомнению признание Юрия “Рудого” Стельмашука, одного из организаторов антипольских чисток в западных уездах Волыни, старательно подчеркивая манипуляции офицеров советской службы безопасности, допрашивающих Рудого. Автор указывает, что зафиксированная в признаниях Рудого цифра в 15 тысяч убитых поляков неверна, и приводит при этом опровергнутую на процессе самим Рудым цифру в 5 тысяч убитых лиц польской национальности, словно эта цифра уже вовсе не предполагает состава преступления.

С наименьшими сомнениями Вятрович воспринимает цифру (около 100) польских населенных пунктов, уничтоженных УПА 11 июля 1943 года. Если бы на тот момент на самом деле дошло до организованной антипольской акции, утверждает автор, об этом упоминалось бы в отчетности ОУН. Однако из документов ОУН следует, что в этот день жертвой украинских националистов стало... одно польское село. Отсутствие соответствующего документа ОУН и УПА с прямым приказом осуществить антипольские чистки служит для автора железным доказательством того, что подобного распоряжения не было вовсе. У читателя, не ориентирующегося в сложных польско-украинских отно-

шениях, после прочтения “волынских” фрагментов книги Вятровича может сложиться впечатление, что никаких организованных массовых убийств волынских поляков вообще не было. А если отдельные случаи и имели место, то на самом деле неизвестно, кто именно и что именно совершил.

Местами трудно понять подлинные взгляды автора. На странице 92 он решительно утверждает: “по крайней мере на август 1943 года не существовало никакого окончательного решения руководства ОУН по польскому вопросу”, а уже через несколько страниц (С. 94-95) одобрительно цитирует слова упоминавшегося выше Стельмашука, из которых следует, что тот в конце августа 1943 года приступил к массовому уничтожению поляков по распоряжению руководителя волинской ОУН-Б и УПА Дмытра “Клима Савура” Клячківського (и тем самым признает, что какие-то приказы все-таки существовали). Далее Вятрович в очередной раз твердо заявляет: “Вопрос о том, инициировало ли руководство украинского подполья массовые антипольские акции, остается дискуссионным” (С. 129). Такого рода риторические маневры с взаимоисключающими утверждениями формируют взгляд читателя, который по прочтении книги останется в уверенности, что ОУН никаких распоряжений по польскому вопросу не давала. И только отдельные, наиболее внимательные и опытные читатели, подобно мне, заподозрят, что на самом деле Вятрович допускает (или, во всяком случае, не отрицает), что Клима Савур отдал приказ о массовом уничтожении польского населения под собственную ответственность, не согласовав это с Центральным управлением (Проводом) ОУН. Эта инициатива Клячківського вызвала острую критику на III съезде ОУН, о чем Вятрович вскользь упоминает, но не сообщает, чем закончился бурный обмен мнениями. Хотя на самом деле эта дискуссия имеет принципиальное значение для оценки действий руководства ОУН. Как свидетельствуют материалы, предоставленные Государственным архивом СБУ, Центральное управление (Провод) ОУН-Б (в первую очередь, по инициативе Романа Шухевича) приняло к сведению антипольские действия Клим Савура, то есть одобрило их. Сомнения Шухевича окончательно развеялись во время его инспекции Волини осенью 1943 года. Наиболее вероятно, что именно тогда он решил перенести “волынскую тактику” на Восточную Галицию.

Я уже упоминал, что в интерпретации Вятровича первые массовые убийства поляков имели спонтанный характер, либо автор приписывает их “первой УПА” Тараса Бульбы-Боровца, который, как мы знаем из

других источников, в апреле 1943 года (!) отклонил предложение ОУН-Б присоединиться к антипольским чисткам. Гипотеза о “народном бунте”, породившем “волынские события”, вопреки утверждениям некоторых рецензентов книги, отнюдь не является новой. Именно так несколько лет назад представлял волынскую резню последний командующий УПА Васыль Кук,² фактически воспроизведя версию событий, распространенную в бандеровской среде во время Второй мировой войны.

Думаю, гипотеза “народного бунта” пользуется большой популярностью не только в Украине. Тем более необходимо обратить внимание на ее основную слабость – она не подкреплена никакими доказательствами. И сразу же позволю себе указать всем ее сторонникам, что должно являться обязательным условием признания ее правдоподобности: нужно просто указать польские населенные пункты, уничтоженные украинскими крестьянами, стихийно схватившимися за топоры. Благодаря усилиям исследователей удалось идентифицировать исполнителей сотен убийств поляков. В каждом таком исследованном случае мы имеем дело с бандеровцами (и вероятно, насильно подчиненными им мельниковскими отрядами, как, например, отряд Макса “Макса” Скорупского). До сих пор нет ни одного изученного случая, когда было бы документально подтверждено, что убийства совершили крестьяне по собственному почину.

Похожим образом обстоит дело и с “первой УПА” Тараса Бульбы: это формирование боролось с отрядами Армии Крайовой, однако до сегодняшнего времени не найдено доказательств того, что оно принимало участие в резне мирного населения. И хотя сначала в польских и советских отчетах исполнителей убийств называли “бульбовцами”, происходило это из-за популярности формирования Боровца, а не из-за участия его членов в преступлениях. Напомним, что бандеровцы решили позаимствовать название УПА именно из-за его популяризации Тарасом Бульбой. До тех пор пока Вятрович не приведет хотя бы нескольких случаев массового уничтожения поляков, осуществленных

² Niepodległość jako drogowaskaz. Rozmowa z Wasylem Kukiem // *Wiele twarzy Ukrainy. Rozmowy Izzy Chruślińskiej i Piotra Tумы*. Lublin, 2005. S. 178. В разговоре с Изой Хруслинской и Петром Тумой Васыль Кук сказал: “Первоначально это не УПА инициировала антипольскую акцию, мы имели дело со спонтанной реакцией украинского населения. [...] в первой фазе конфликта на Волини имели место не боевые действия партизан против поляков, а действия часто вооруженного топорами, косами, вилами украинского народа. Это была месть крестьян за годы презрения и унижения. Когда оказалось, что мы не запрещаем крестьянам совершать такого рода акции против поляков, они приобрели массовый характер”.

в самом начале антипольской акции (в феврале – мае 1943 года), исполнителями которых без малейшего сомнения окажутся не связанные с ОУН-Б крестьяне или подчиненные Боровца, все его замечания по этому поводу следует трактовать как абсолютно голословные и не имеющие под собой никаких фактических доказательств.

И дело не только в том, что до сих пор не обнаружено случаев стихийного убийства крестьянами поляков. Часто можно наблюдать обратную ситуацию: УПА мобилизовывала местное население для участия в нападениях на польские села. Например, летом 1943 года бойцы УПА собрали в селе Янивка украинских мужчин возрастом от 16 до 60 лет, привели в село Гай и там приказали убить согнанных в яму поляков, угрожая смертью за неисполнение приказа. У этих мобилизованных людей не было огнестрельного оружия, они были вооружены только топорами и вилами. Интересно, что похожий пример приводит сам Вятрович (на С. 117), но сразу предостерегает, что такого типа ситуации были редкими и всегда возникали по инициативе местных командиров ОУН, на что будто бы указывает отсутствие инструкций с приказом совершать подобные акции. Следует обратить внимание на “методологию” автора: он не в состоянии назвать хотя бы одно польское село, уничтоженное “спонтанно”, но это не мешает ему утверждать, что спонтанная резня была широко распространена на Волыни. В то же время правдоподобные свидетельства, подтверждающие факты мобилизации мирного населения бойцами УПА для совершения антипольских акций, он сразу пытается преуменьшить, хотя все указывает на то, что нападений на поляков не было бы без присутствия и “поощрения” УПА. Вероятнее всего, принудительно мобилизуя крестьян на антипольские чистки, ОУН намеревалась представить расправу над поляками как народные самосуды. Кроме того, без активного участия крестьян не было бы возможности говорить о начале столь ожидаемой националистами “национальной революции”. Интересно, что один из ведущих идеологов ОУН Микола Сциборський в изданной в 1932 году работе четко писал, что с началом восстания “крестьяне без жалости посчитаются с землевладельцами, являющимися агентами польской оккупации, а также с военными и гражданскими колонистами”.³ Такое высказывание демонстрирует, что среди деятелей ОУН уже в тридцатые годы зародился план провоцирования крестьян на кровавые выступления против польских колонистов. В этом контексте, опытный

³ Микола Сциборський. ОУН і селянство. Прага, 1933. С. 32.

историк ни при каких обстоятельствах не признает цитировавшиеся слова Кука о “народном бунте” достоверным свидетельством. Они являются не описанием исторической реальности, но повторением разработанной еще в 1944 году пропагандистской стратегии, имевшей целью сокрытие и оправдание антипольских чисток.⁴

Вятрович утверждает, что “систематическая информация об антипольских действиях УПА появляется в ее документации начиная с июня 1943 года” (С. 108-109). Достаточно взять в руки “Літопис УПА. Нова серія” (Т. 2), чтобы убедиться, что это неправда. В опубликованном там отчете сотни “Шаули” за май 1943 года под датами 3, 4, 15, 19, 23, 25 мая прямо записано: “...были ликвидированы колонии, сотрудничавшие с большевиками и немцами, собственных потерь не было”.⁵ Поскольку в официальных приказах высшего руководства ОУН и УПА антипольские акции всегда обосновывались фактическим и воображаемым сотрудничеством поляков с немцами и советами, не подлежит сомнению, что в этом документе речь идет о польских селах. В донесении сотни “Яремы” (известной 1-й сотни УПА) за тот же месяц даты “ликвидации колоний, сел, сотрудничающих с немцами и большевиками” не конкретизированы, но из контекста мы можем догадаться, что их было много.⁶ Из этого же рапорта следует, что сотня “Шаули” в мае 1943 года, кроме проведения антипольских акций, организовала две засады: одна была против немцев, а другая – на “польско-большевистских” партизан. Подразделение “Яремы” в это время имело два военных столкновения с немцами и одно с советами.⁷

⁴ Интересно, что одна из связанных Шухевича Катерины Михалкевич, которую допрашивали советские следователи, рассказывала о специальном задании, полученном от руководителя УПА в начале 1944 года. Она должна была посетить те места на Волыни, где “немецкие эсесовцы” ликвидировали значительную часть польского и украинского населения с целью “откопать” свидетелей, которые бы подтвердили, что исполнителями этих преступлений были коммунисты партизаны – русские: “Распоряжение Шухевича я выполнила, я нашла фиктивных свидетелей и записала соответственные акты”. Кажется маловероятным, что ОУН-Б стало бы фальсифицировать материалы с целью уничтожения следов немецких преступлений. Гораздо правдоподобнее предположить, что речь шла об уничтоженных УПА польских селах. См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9478. Оп. 1. Т. 397. С. 65-66.

⁵ Звіт за місяць травень 1943 р. 1 першої групи УПА від 5 VII 1943 р. // Літопис УПА. Нова серія. Т. 2. Київ-Торонто, 1999. С. 171-172.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Сосредоточимся на минуту на 1-й сотне УПА. На С. 103-105 Вятрович полемизирует с моим предположением, что на село Паросля, уничтоженное 9 февраля 1943 года, напало именно это подразделение, которым на тот момент командовал Григорий “Довбешка-Коробка” Перегийняка. По мнению автора, у этой версии нет убедительных доказательств. Однако существует рассказ о событиях жертвы этой трагедии (будучи тяжело раненным, этот свидетель чудом уцелел). По стечению обстоятельств, именно в доме этого информанта находился штаб подразделения, где допрашивали взятых в плен членов немецкой вспомогательной полиции. Поскольку в районе Паросля в то время не было вооруженных столкновений, их, вероятно, схватили в соседнем Володымерце, где – о чем сообщает каждая история УПА – 1-я сотня уничтожила в ночь с 8 на 9 февраля пост вспомогательной полиции. Гипотеза, что это именно она за несколько часов прибыла в Парослю, кажется в этом контексте очень правдоподобной. Что важно, украинские жители с околицы старой Паросли (от нее сохранилась только скрытая в лесу братская могила), с которыми я разговаривал, единогласно утверждали, что село уничтожило подразделение УПА. Здесь стоит объяснить, что в ходе своих исследований я стараюсь посещать места трагедий, как польских, так и украинских, со времени которых миновало больше полустолетия. Как мне подсказывает опыт, даже от наших современников можно узнать много важных деталей об истории их местности. Трудно допустить, что бойцы 1-й сотни УПА испытывали угрызения совести при проведении антипольских чисток. Ведь, как следует из процитированного отчета, в мае 1943 года они напали как минимум на два польских населенных пункта, а в апреле принимали участие в массовом убийстве в Яновой Долине, где погибло около 600 поляков. Почему Вятрович не допускает, что сотня Довбешки-Коробки двумя месяцами раньше напала на Парослю, которая к тому же находилась на территории ее деятельности?

Защищая участников 1-й сотни от обвинений в нападении на село, Владимир Вятрович в своем риторическом запале забывает об элементарной порядочности. Он пишет, например, что сотня была слишком слабо вооружена, чтобы напасть на польское село. Каждый, кто знаком с историей нападения на Парослю, поймет мою эмоциональную реакцию: все жители этого села (более 150 человек, в том числе младенцы) были сначала связаны, а потом по очереди зарублены топорами.

Много вопросов оставляет помещенное в книгу описание антипольской акции в Восточной Галиции. По мнению автора “Другой

польської-української війни”, конфликт в этом регионе начали поляки, пытаются отомстить за волынскую резню, что, в свою очередь, вызвало стремительную реакцию украинского подполья, сначала на низших уровнях, а потом и всего Центрального управления (Провода) ОУН-Б. При таком изложении событий у читателей нет шансов осознать тот факт, что на переломе 1943–1944 годов счет убитых в Галиции украинцев шел на сотни, но поляков – уже на тысячи. Я бы не удивился, если бы оказалось, что одна только сотня “Сироманци” (до июня 1944 года бойцы этого подразделения УПА уничтожили несколько сотен поляков, в том числе в Ганачеве, Пидкаминню Рогатынском и Великих Очах) убила больше поляков, чем все галицийские подразделения Армии Крайовой – украинцев. Хотя Вятрович признает, что УПА решила изгнать всех поляков из Восточной Галиции (в случае отказа уехать инструкции требовали убивать всех мужчин), но начало массовой антипольской акции датирует лишь 5 мая 1944 года. При этом он не поясняет, как следует интерпретировать факты убийств как минимум нескольких тысяч поляков, имевших место до этой даты. Действительно, впервые опубликованный еще в 1997 году приказ Центрального управления (Провода) от 5 мая 1944 года о проведении антипольских акций известен историкам уже много лет. Но его содержание, с моей точки зрения, позволяет говорить о нем как о повторении ранее изданного распоряжения (в приказе бросаются в глаза, например, слова “еще раз напоминаем”).

Как показывает анализ событий, ОУН-Б в Восточной Галиции уже во второй половине 1943 года приступила к уничтожению так называемого польского актива (ксендзов, учителей, лесничих). Следующим этапом были нападения на избранные польские села, в первую очередь те, где имелась сильная самооборона. Массовые антипольские чистки и изгнание польского населения из всей Галиции начали на праздник римско-католической Пасхи 1944 года. Именно апрель как начало чисток указал главнокомандующий УПА Роман Шухевич в ходе собраний Украинского главного освободительного совета (УГВР – Українська головна визвольна рада) в июле 1944 года “С апреля 1944 г. [...] руководство УПА издало приказ выселить поляков, если они сами не переселятся”.⁸ В книге Вятровича нет ни единой ссылки на это высказывание командующего УПА.

Вятрович также не упоминает, что антипольская “акция” в Галиции порой характеризовалась такой жестокостью, что даже некоторые на-

⁸ Літопис УПА. Т. 26. Торонто-Львів, 2001. С. 461-514.

ционалисты несмело выступали за то, чтобы прекратить дальнейшие нападения. Один из деятелей ОУН так обосновывал свою позицию: “Отпор польской самообороны ослабел настолько, что украинские действия напоминают немецкие акции против евреев. [...] Считаю, что мы достигли всего, что нам было нужно. Выедет ли из Галиции еще 1000 поляков, или нет, это уже не играет роли”.⁹

Полным недоразумением считаю заявления автора (С. 169-171), будто некоторые командиры УПА были расстреляны за проведение антипольских акций без согласия Центрального провода ОУН. Описанная в книге экзекуция сотника Орла, как и неудачная попытка казни куренного Макса, объяснялись стремлением этих местных руководителей договариваться с немцами, тогда как ЦП ОУН-Б категорически относил переговоры с оккупационной властью к своей компетенции. Кстати, делегат ЦП ОУН-Б о. Иван Гриньох в ходе переговоров с властями требовал среди прочего предоставить УПА полную свободу в действиях против поляков.

Вятрович поддерживает популярный в украинской историографии тезис, будто бы польско-украинский конфликт начали в 1942 году поляки на Холмщине. Благодаря умело выстроенной аргументации этот тезис может многим показаться убедительным, даже несмотря на то, что он не опирается на факты. Украинцы в этом регионе фактически стали жертвами многих нападений польского подполья, но происходило это в основном в 1943–1944 годах. Больше всего таких нападений случилось уже после начала антипольских чисток, поэтому понятно, что они не могли стать их причиной. Первые массовые убийства, совершенные руками поляков, в этом районе были зафиксированы только в мае 1943 года. Что интересно, внимательное чтение книги Вятровича (как и документов, которые он опубликовал в другой работе) также приводит к этому выводу. В 1942 году на Холмщине имели место мелкие столкновения или единичные нападения, не оказавшие влияния на ситуацию в глобальном масштабе.

Автор в своей книге специально останавливается на одном нападении на украинских деятелей, видимо, действительно совершенном Армией Крайовой. Кроме этого, в работе упомянуты две антиукраинские акции, которые были делом рук коммунистических партизан (на Холмщине – это преимущественно советские узники-беглецы и деятели коммунистической партии Западной Украины, поэтому их сложно

⁹ Там же. С. 376-377.

признать деятелями “польского террора”). Но больше всего поражает упоминание в этом ряду усмирительной немецкой акции весны 1942 года, жертвой которой стали около двадцати преимущественно украинских сел, а также еще несколько сел, где проживали в основном поляки. Автор не скрывает, что исполнителями этих преступлений были немцы, но в то же время утверждает (не приводя доказательств), что украинские села уничтожены в результате польских доносов. Даже если это правда, приведенный пример нельзя признать началом “польско-украинской войны”. Если бы взаимные доносы в органы немецкой или советской власти вели к вооруженному польско-украинскому конфликту, он бы начался раньше. Показательно, и это не является тайной, что проскрипционный список львовских профессоров, расстрелянных в 1941 году СС, подготовили украинские националисты. Почему же не начать датировку “польско-украинской” войны именно с этого доноса? Даже если ограничиться только территорией Холмщины, сложно принять дату 1942 год. Украинско-польское взаимное доносительство распространилось там с самого начала немецкой оккупации. В 1939–1940 годах, то есть сразу же после прихода немцев, многие украинцы доносили на поляков. На тему масштабности доносительства и одновременно достоверности сведений украинских информаторов немецкий староста в Грубешове в одном из рапортов от 6 ноября 1940 года писал: “Безусловно, к составленным украинцами доносам следует относиться очень осторожно, поскольку приведенная в них информация подтвердилась только в нескольких случаях. [...] Засилие информации от украинцев добавляет немецкой власти немало работы”.¹⁰

Однако не ко всем украинским доносам немцы относились без должного внимания. В значительной степени именно на основании этих доносов в начале 1940 года были расстреляны многие представители местной польской элиты. Жертвой экзекуции (а ранее украинского доноса) стал, между прочим, дедушка Рафала Внука, известного польского историка. Так, может, именно с этих экзекуций следует начинать историю вооруженного польско-украинского конфликта?

Упоминание трагических событий на Холмщине вовсе не означает, что я намереваюсь начать подсчет национальных обид. Я только хочу показать, на какую ненадежную методологию опирается Вятрович – в данном случае, чтобы скрыть слабость собственной аргументации,

¹⁰ Цит. по: J. A. Młynarczyk. Pomiędzy współpracą a zdradą. Problem kolaboracji w Generalnym Gubernatorstwie – próba syntezy // Pamięć i Sprawiedliwość. 2009. No. 1(14). S. 112.

он злоупотребляет мартирологией украинских жителей Холмщины. По моему мнению, о начале войны можно говорить только в связи с целой серией синхронизированных выступлений подполья, направленных на достижение какой-то определенной цели. До начала 1943 года польско-украинские отношения на всех проблемных территориях ограничивались единичными нападениями, а также все учащавшимися провокациями или взаимными тайными доносами. Но это еще не было войной. Данную ситуацию я бы определил как “приграничные столкновения” и борьба разведок. Война началась, когда массовые убийства приобрели систематический характер (а количество жертв превышало 10 тысяч человек). Бесспорно, на Холмщине имели место массовые убийства украинского мирного населения, но они начались только в мае 1943 года, то есть в тот момент, когда УПА на Волыни развернула массовые антипольские акции. К концу 1943 года на Холмщине от польских рук погибло около 600 украинцев, большинство из которых – и в этом можно убедиться хотя бы из анализа опубликованных Вятровичем документов – были уничтожены именно в 1943 году (на более ранний период приходится незначительное количество убитых). В то же время на Волыни погибло 40–60 тысяч поляков. Эти цифры сложно сравнивать, однако после прочтения работы Вятровича может создаться впечатление, что они равнозначны.

Отметим, что когда Вятрович пишет о польских акциях против украинского мирного населения, он полностью меняет метод описания. Если в случае убийства поляков он нагромождает сомнения, отбрасывает любые попытки обобщений и едва ли не требует от исполнителей непосредственного признания в содеянном, то, как только речь заходит о страданиях украинцев, он уже не нуждается в детальном доказательном материале для выдвижения далеко идущих гипотез. После описания нескольких, безусловно, правдивых случаев резни мирных украинцев Вятрович уверенно заключает, что подобных случаев было почти столько же, сколько и нападений на поляков. Ему не нужны документы, чтобы обвинить польское подполье в намерении изгнать украинцев из Восточной Галиции. Если преступления против поляков Вятрович пытается преуменьшить, то в случае с уничтожением украинцев, наоборот, стремится их преувеличить. Не сомневаюсь, что этот простой ход окажется эффективным и многие украинские читатели закроют книгу с убеждением, что страдания обоих народов в это время были тождественны. Проблема в том, что применительно к 1943–1945 годам это не будет правдой. И я не могу в этом месте не

задать вопрос, который покоробит многих украинцев: если польские подсчеты жертв настолько преувеличены, почему почти все просьбы получить согласие на эксгумацию тел людей, убитых УПА, наталкиваются на отказ украинских властей? Ведь нет более простого способа разрешить спор, чем провести анализ останков тех, кто до сих пор покоится в безымянных могилах.

Ценность книги Вятровича несколько возрастает, когда автор переходит к описанию деятельности дивизии SS Galizien, а также положения украинского населения в послевоенной Польше 1945–1947 годов, которое было, несомненно, трагичным. Однако, когда автор обсуждает “войну после войны”, то есть польско-украинский конфликт памяти после 1989 года, мы снова сталкиваемся с упрощением действительности. Этот раздел заслуживает отдельного пространного обсуждения, для которого, к сожалению, здесь нет места. Поэтому я только отмечу, что описывая поведение польской власти после 1989 года, автор совершает селекцию фактов. Он упоминает о случаях, в которых речь идет о памяти жертв преступлений УПА и в то же время обходит вниманием инициативы, которые отвечали украинским ожиданиям. В Польше много сделано для того, чтобы вскрыть позорные для поляков фрагменты истории, свидетельством чему являются хотя бы примеры осуждения выселения украинцев во время операции “Висла”. Польская сторона питала надежду, что в ответ украинская сторона также инициирует критическую рефлексию над прошлым, после чего будут однозначно осуждены антипольские геноцидальные этнические чистки, проведенные УПА в 1943–1945 годах. Однако, когда этого не произошло, громче зазвучал голос сообществ выходцев из бывших “крессов” (довоенных восточных воеводств Польши), которые стремились поставить развитие политических отношений с Украиной в зависимость от переосмысления ею своего прошлого.

Риторические маневры Вятровича, как и то, что он охотно использует термин “война” (кстати, не он первый применил это понятие – им пользовались и другие авторы, в частности, я сам использовал его еще в 1999 году в статье для ежемесячника “Венж”), объясняются, как я догадываюсь, желанием опровергнуть преступный характер антипольской акции УПА. Поэтому уже во вступительных разделах книги Вятрович отбрасывает термин “геноцид” (С. 29-30), противопоставляя ему концепцию “войны”. Однако, вопреки его намерениям, использование термина “война” не исключает одновременного использования понятия “геноцид”. За примерами не нужно ходить далеко, и даже нет

нужды обращаться к богатым библиотекам Гарварда, где Вятрович готовил свою книгу, чтобы узнать, что в Африке в случае недавнего геноцида тутси мы одновременно имели дело с войной между Руандийским патриотическим фронтом и официальным правительством Руанды, возглавляемым хутту.

Если мы действительно хотим адекватно описать то, что случилось во время Второй мировой войны между поляками и украинцами, нам стоит параллельно использовать термины “геноцид” и “вооруженный конфликт”. В 1943–1945 годах дошло до “войны после войны” – до польско-западноукраинской войны во Второй мировой войне, однако начало ей положила резня, проведенная ОУН-Б и УПА на Волыни. Украинские националисты, желая любой ценой “исправить” итоги проигранного вооруженного конфликта 1918–1919 годов, осознавая свою слабость и одновременно признавая применение силы и террора неотъемлемой частью политики, решили разрубить национальный гордиев узел на Волыни и в Галиции с помощью антипольской акции, которая имела геноцидальный характер. Открытый конфликт между польским и украинским подпольями, безусловно, привел к многим вооруженным столкновениям, однако это не отменяет того факта, что преобладающее большинство случаев резни коснулось беззащитного гражданского населения, которое ничем не угрожало украинским партизанам. В предложении “мы изучаем польско-украинский конфликт, в ходе которого имела место геноцидальная антипольская акция” в одинаковой степени важны как первая, так и вторая часть.

Важно также четко разделять между собой две фазы польско-украинского конфликта: если первая (1943–1945) была тесно связана с антипольскими чистками УПА, то вторая имела уже иной характер – она прошла в тени сталинских этнических чисток. В 1944–1946 годах они коснулись поляков, которых изгоняли с Волыни и из Восточной Галиции, с одной стороны, и украинцев, которых принудительно вывозили с территории современной Польши – с другой. В 1947 году от очередной этнической чистки пострадало сохранившееся украинское меньшинство, оставшееся в Польше, – этих людей вывезли на западные и северные земли. Выселение, проводившееся по воле Сталина (а в случае акции “Висла” также Берута и Гомулки), было частью большой перестройки Центральной Европы на советский лад.

Книгу “Друга польсько-українська війна” следует признать однозначно неудачной (хотелось сказать – написанной ниже уровня способностей автора). Что еще хуже, она вредна для польско-украинского

диалога, поскольку может только углубить взаимные разногласия. На украинского читателя, слабо ориентирующегося в польской литературе по предмету, книга однозначно произведет большое впечатление. Ее вполне могут воспринять и как развернутую полемику с работами, публикующимися в Польше (некоторые рецензенты уже пишут о “переломе” в украинской историографии и советуют признать выводы Вятровича обязательными для государственного видения истории). В то же время, для польских ученых эта книга не представляет ничего оригинального. В лучшем случае, она суммирует аргументацию разных авторов, являя собой попытку если не оспаривания, то, по крайней мере, преуменьшения и оправдания преступлений, направленных против польского мирного населения.

Для меня остается загадкой, что вдохновило Владимира Вятровича написать такой труд, ведь он, как никто другой, обладал возможностями подготовить полную, солидную монографию об УПА. Вместо этого он предпочел написать тенденциозную книгу, имеющую больше отношения к политике, чем к истории, и сводящуюся к тезису, который можно выразить так: “УПА была героической организацией, обвинения против нее преувеличены, сфабрикованы или выдуманы и, в любом случае, неправдивы”. Видимо, на Вятровича повлияла политика истории, проводившаяся в соседних с Украиной странах. Однако при этом он упустил из виду, что в Польше попытки инструментального прочтения прошлого привели к громким публичным дебатам и в результате к ограничению явлений такого типа. Даже в России, где искушение использовать историю для политических целей сильно до сих пор, любой мало-мальски компетентный человек способен отличить исследования профессиональных историков от продукции агентов “исторической политики”. Работы Альбины Носковой или Наталии Лебедевой воспринимаются совершенно иначе, чем публикации Александра Дюкова. Не понимаю, почему Владимир Вятрович решил брать пример именно с последнего автора.

SUMMARY

Grzegorz Motyka writes that the monograph *The Second Polish–Ukrainian War* by Volodymyr V’iatrovych has not fulfilled its promise of original and solid academic research but instead constitutes a biased attempt to relativize and justify the mass murder of Polish civilians in Volhynia and Galicia,

and atrocities committed by Ukrainian nationalists. In particular, Motyka points out V'iatrovych's selective use of primary and secondary sources, which are only discussed in the monograph in such a way that supports the author's predetermined thesis. Furthermore, the book consistently downplays the scale of the Ukrainian Insurgent Army's anti-Polish activities, leaving the reader with a false impression that the number of victims on both sides of the Ukrainian–Polish conflict was commensurate, while the conscious policy of mass murder adopted by the Organization of Ukrainian Nationalists and implemented by the Ukrainian Insurgent Army is represented as a spontaneous outburst of Ukrainian peasant violence against Polish colonists. Contrary to such an approach, Motyka argues that the extermination of Polish civilians was a genocidal act on the part of Ukrainian nationalists. The fact that this operation took place during an armed Ukrainian–Polish conflict, he maintains, must not be understood in such a way as to portray tens of thousands Polish victims as unavoidable war casualties, the effect achieved by the book under review.